

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

Л. ФАНДЕЕВА

16+

Лилия Фандеева
Ветер перемен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40254196
SelfPub; 2019
ISBN 978-5-532-10980-3

Аннотация

Имя Кристина – посвященная Христу, христианка. Девушка с сильной и светлой энергетикой, сообразительная и жизнелюбивая, должна была быть в этой жизни абсолютно счастливой. Скорее всего так оно и было бы, если бы ни одно "но". Фамилия девушки была Неверова. Получался полный абсурд: христианка без веры. А на ум приходят строки из песни: "Как вы яхту назовете, так она и поплывет". Сколько же пришлось "легкой яхточке" пережить штормов, не разбиться о рифы, прежде чем прилетел ветер перемен?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	34
Глава 3	60
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Для оформления обложки, было использовано фото с https://www.qoodfon.ru/wallpaper/devushka-more-jahta/

« Но есть на свете ветер перемен,
Он прилетит, прогнав ветра измен,
Развеет он, когда придет пора,
Ветра разлук, обид ветра…»
Наум Олев, поэт-песенник

Пролог

Она бежала по перелеску к речке так быстро, насколько это позволяло ее платье, цепляющееся своим подолом за ветки кустов. Волосы, собранные в недлинную косу, растрепались, а платье на груди было разорвано так, что ей приходилось придерживать его рукой, скрывая грудь. Белый халат, зацепившийся за ветку, так и остался на ней. Слезы застилали глаза, она бежала почти вслепую. Добежав до пологого берега реки, резко остановилась и опустилась на песок. « Господи, прости меня! Прости! Я не хотела причинить ему вреда, а уж тем более убить. Он сам виноват во всем, но кому это теперь интересно. Это была последняя капля моего терпения. Я виновата лишь в том, что слишком долго для всех старалась быть хорошей, полезной и все ждала, когда окружающие поймут это. Мне не нужна была их благодарность, достаточно было простого человеческого общения. Но они истолковывали все по-своему и принимали безотказную, молчаливую, удобную «амебу». А я ждала, ждала, и в очередной раз, упиралась в непробиваемую стену равнодушия и непонимания, – говорила сквозь слезы девушка в никуда, утирая слезы подолом разорванного платья. – За что он так со мной? Я уверена, что он не помнит даже моего имени, а вот напомнить о том, что я «чучело», «страшное чучело», не забыл. Мало того, распустил руки. Я меньше всего виновата

в том, что стала такой, мне очень хочется исправить положение, но пока это невозможно. Думаю, теперь и в ближайшем будущем, мои планы неосуществимы. Его семья станет на его сторону, и мне остается надеяться только на Господа Бога». Девушка даже не обратила внимания на молодого человека, который закончил свой бег и остановился рядом с ней. Это был Андрей Александрович Миронов.

– Тина, я тебя едва отыскал. Бегаешь ты, как атлет, а может быть, я старею, – сказал Андрей Миронов, переводя дух от бега и присаживаясь рядом с ней. – Ты что, Тина, топиться собралась из-за этого дурака?

– Нет, Андрей Александрович! Я слишком хорошо плаваю, чтобы утонуть в тихой, спокойной воде. Как Вы думаете, полиция скоро приедет? – спросила она, глядя мимо Миронова. – Я посижу здесь недолго и вернусь. Не переживайте, я вернусь, не сбегу. За свои поступки надо отвечать.

– Тина, ты сейчас о чем? Какая полиция? Олег жив, хотя не совсем здоров, но ты здесь не причем. Он уже давно болен на всю голову. Если кому и идти в полицию с заявлением, так это тебе. Ни я, ни Сергей не станем защищать Олега и дадим показания. Тебе будет, какая никакая моральная и материальная компенсация, а ему наука. До суда может дело и не дойдет, но свой урок он получит.

– Андрей Александрович, простите меня, но я больше в ваш дом не вернусь. Вашему брату лучше и теперь многое, если не все, зависит только от него самого. Захочет научить-

ся ходить заново, справится и без меня, я уверена. Я собиралась поговорить об этом с ним самим, но не успела. В полицию я тоже не пойду, можете, и за второго брата не беспокоиться. Мне кажется, он ничего не хотел сделать, кроме того, что унизить меня. Он был не настолько пьян и отлично знал, что мы ни одни в доме.

– Тина, ты, молодец! Так ему зарядила между ног, да еще и по голове приложила. О чем он думал и чем я не знаю, но уверен, что получил за дело. Как ты в таком виде поедешь в город? Давай мы с тобой договоримся так: ты возвращаешься в дом, собираешь свои вещи, приводишь себя в порядок, и я увожу тебя в город. Можешь ни с кем не встречаться, я сам все объясню. Поднимайся и не плач. Этот придурок не стоит твоих слез, – сказал он, поднимаясь сам и протягивая ей руку. – Возьми мою рубашку, накинь сверху.

Кристина протянула свою руку, поднялась и посмотрела на него с благодарностью. « Младший брат жив. Значит, я не взяла грех на душу, – думала Тина, шагая рядом с Мироновым. – Три брата, а одинаковы только внешне. Все они разные, как в сказке: «Старший умный был детина, средний брат и так и сяк, младший, вовсе был дурак». О среднем брате я знаю совсем мало, а вот с младшим полное совпадение. Что он ко мне «привязался»? Олегу двадцать три года, в июне окончил университет. Как он учился? Как получил диплом? Днем спит, по ночам гуляет, являясь под утро. До сих пор не работает и сидит у семьи на шее. Это, конечно,

их семейные дела, но, при таком наглядном примере, нельзя быть таким циником», – думала она. – Все, что он делал, а особенно сегодня, делалось сознательно. За что? А, главное, зачем?

Минут десять они шли неспеша и молчали, найдя по дороге белый халат, на котором пуговицы были вырваны вместе с тканью. Кристина сняла рубашку Миронова, вернув ее хозяину, и накинула халат поверх платья, запахнув полы.

– Тина, ты, сколько у нас работаешь, месяца три? Я приезжаю в дом только по выходным, но редко слышал твой голос и совсем не замечал твоего присутствия. Ты, как будто пряталась. Что между тобой и Олегом произошло?

– Я стала объектом для его насмешек в первый же день. Когда Ваш отец представил меня всем, он тут же, между прочим, выдал: – « Какое точное имя. Тина, значит болото. Болото, значит черепаха Тортила. Тортила, значит Буратино. Тина-Буратино!», но никто этого не заметил, или сделали вид, что не заметили. Мне хотелось помочь Сергею Александровичу. Об этом просил меня и Ваш отец. За день, я только раз произносила в его адрес: « добрый день». Все. Мне трудно объяснить поведение Олега, он как будто задирался, провоцировал меня. Зачем? Ответа на этот вопрос у меня нет. По дому я не бродила, в этом не было нужды, да мне и не хотелось встречаться с ним лишний раз. Только в присутствии старшего брата, Олег не замечал меня. Я и на кухне старалась бывать в то время, когда он еще спал, но всего не

предусмотришь. Вот там мы с ним, иногда, и пересекались. Скорее всего, таким образом, он себя развлекал. Он всегда откровенно издевался над моей внешностью, а я терпеливо все сносила и молчала. Частое присутствие Валентины Петровны его не смущало. Казалось, что ему наличие публики для театра с одним актером, даже доставляет удовольствие. Мне же совсем не хотелось потерять работу, и я не вступала в конфликт, а, теперь вижу, что стоило. Я трезво оценивала ситуацию и знала, что таких денег мне не заработать и за год. Они мне необходимы как воздух, чтобы перестать быть объектом для насмешек. Можно, я не буду пересказывать Вам все «сцены» из спектаклей? Его монологи не были легкой сатирой, это был черный юмор и пошлость. Но как бы мерзко не было, все ограничивалось словами, я снова молчала. Сегодня он пошел дальше «критики», дал волю рукам. Это было хуже пощечины. Я не знала, на что он еще способен, поэтому бросила чашку в дверь, зная, что услышав шум, кто-нибудь войдет. Остальное вы видели, и, думаю, слышали.

– Тина, зачем тебе пластика? – спросил Миронов, уже зная ответ.

– Изменив свое лицо, я только тогда смогу бороться со своими комплексами. По-другому не получается, я пробовала и ни раз. Мне скоро двадцать пять лет, а у меня нет ни подруг, ни приятелей. Я за десять лет устала доказывать всем, что могу быть просто хорошим другом, собеседником, человеком. Моя внешность «притягивает» только тогда, ко-

гда это кому-то выгодно, в остальных случаях она только отталкивает окружающих. Они стараются меня не замечать, но Ваш брат Олег переплюнул их всех. Я привыкла к равнодушию, непониманию, насмешкам, но, ни к унижению.

Они подошли к дому со стороны леса и вошли в небольшую калитку, от которой шла дорожка к дому.

– Собирай вещи и переоденься. Есть во что? – спросил Андрей Миронов и, получив утвердительный кивок головой, продолжил. – Я поговорю с Сергеем, отвезу тебя домой и останусь в городе, дома заждались. Жди меня возле машины, я постараюсь освободиться, как можно быстрее.

Глава 1

Кристина Викторовна Неверова родилась в семье школьных учителей 22 октября 1986 года здоровым, крепким и упитанным ребенком. Ее отец, Неверов Виктор Иванович, преподавал в школе физику и математику, а мама, Светлана Васильевна, была учителем пения. Была еще бабушка Галина Ивановна, которая преподавала в начальных классах. Правда, она жила отдельно. Так что, подросшая Кристина просто не могла не посещать музыкальную школу и не иметь тяги к точным наукам. Кристя, так называли ее родители и бабушка, рано научилась читать и писать, благодаря маме. Они вместе посещали бассейн два раза в неделю и музыкальную школу. Кристина была небольшого роста, для своего возраста, полненькая, но подвижная девочка и уже в первом классе получила безобидное прозвище «пончик». Дорога в «девичьи» спортивные секции, была для нее «закрыта» из-за ее комплекции. В танцевальные кружки ее не брали по той же причине. В четвертом классе, ее уже называли Буратино. Некогда аккуратный носик уж слишком «вытянулся» и испортил симпатичное личико с большими, как озеро, синими глазами. Даже темно русые мягкие и густые волосы, закрученные слабыми спиральками, не казались красивыми и необычными. Она не особо расстраивалась, ведь рядом была мама, и она знала, как утешить дочь. Кристине было один-

надцать, когда мама пропала. Просто, в один из дней она не вернулась с работы из школы. Это случилось сразу после зимних каникул. Кристина училась в пятом классе, но пропускала занятия, подхватив грипп. Ее мама Светлана Неверова не вернулась к назначенному сроку, а вот отец вернулся вовремя. Он и забил тревогу. Отец вернулся в школу, где охранник сказал, что его жена покинула здание школы в начале первого дня. От школы до дома, в котором находилась двухкомнатная квартира Неверовых, было, минут 10-15 хода. Учитывая время года, можно было предположить, что к 13:00 она должна была быть дома. Но, ни через час, ни через два часа, в квартиру Светлана не вернулась. Виктор Иванович обзвонил всех знакомых, которых было ни так много, результатов не было. Тогда он пошел в милицию. Ее искали, почти год, но не нашли ни зимой, ни весной, ни летом. Она как будто испарилась: был человека, и нет человека. Версии были разные. Если сбежала, то почему не взяла свои вещи и документы? Если похитили, то кто и зачем? Кому была интересна учительница пения? Что вообще можно потребовать от семьи из трех учителей? Надежда на то, что она жива, таяли, как снег весной. Кристина по ночам плакала в подушку и все ждала. Отец, как мог, утешал дочь. Они привыкали жить без жены и мамы. Прошел год, потом еще и отец начал приходит в квартиру с женщиной, отправляя дочь к своей матери. Девочке было 13лет, и она предполагала, что отец может жениться и была совсем не против этого, зная, что маму при-

знали пропавшей, а это означало только одно. Но то, что все сложиться так, она представить не могла. Ей было четырнадцать, когда отец, официально женился на женщине с шестнадцатилетним подростком, и, передав дочь под опеку своей матери, готовился к переезду с новой семьей в Германию.

– Пап, ты меня бросаешь? Они для тебя дороже?

– Я тебя, Кристя, не бросаю, а оставляю с бабушкой и буду звонить. Вырастишь, все поймешь. Я не могу остаться и не могу взять тебя с собой. Прости меня. Ты девочка взрослая, справишься, а моя мама тебе поможет.

– Лучше бы ты тогда пропал вместо мамы, – сказала дочь и заплакала.

Она не провожала отца и не прощалась с ним перед дорогой. Для девочки начался сложный период, все шло одно к одному. Предательство отца, который предпочел чужую женщину и уезжает с ней. Подростковый возраст, который преподнес ей еще больше неприятностей и разочарований. Выросшая, казалось за год, грудь третьего размера, проблемы с кожей на лице и голове, и очень нездоровый интерес сына мачехи, который так и ждал удобного момента, чтобы потискать ее в углу. При росте в 162 см она весила 62 кг. Кристина переехала к бабушке, которая предупредила своего обретенного внука: – « Еще раз приблизишься к ней, вместо выезда в Германию, будешь валить лес в Сибири». Казалось, что одной проблемой стало меньше, но это только казалось. Галина Ивановна, проработавшая более сорока лет в

школе, не была ни деспотом, ни любящей бабушкой. Перед отъездом сына, она стала «чужой».

– Воспитывать, Кристя, тебя уже поздно, – говорила она. – Мне скоро шестьдесят лет и нервы у меня не железные. Поэтому, имей в виду, не будет между нами мирного сосуществования, у тебя одна дорога – детский дом. Я, на твоем месте, потерпела бы бабку четыре года, а дальше сама решила. В своей комнате, делай, что хочешь, можешь на голове ходить, но в квартире должен быть порядок. Обеды на мне, продукты и уборка за тобой. Я ничего не хочу слышать о прогулках под луной и плохих оценках. Первого я тебе не позволю, от второго зависит твое будущее, тебе и решать.

Кристина не спорила и не возражала. Училась она хорошо, с работой по дому ничего сверхъестественного не видела, а гулять ей было не с кем. «Будем сосуществовать мирно, – думала она. – Разве у меня есть выбор? Бабушка не всегда была такой категоричной. Я хорошо помню и знаю, какой она может быть. Да, она всегда была очень сдержанной, но любящей, я это чувствовала. Возможно, она переживает из-за отъезда сына. Ведь она, как и я, осталась совсем одна. Уже заодно то, что она не сдала меня в детский дом, я ей благодарна».

Приняв условия бабушки, Кристина ни разу их не нарушила. Постепенно их отношения стали добрососедскими, а потом и родственными. Казалось, у Кристины нет проблем. Обута и одета, вещи были с рынка, но выбирала она их сама.

Бабушка готовила просто, но вкусно. Но для них начались новые испытания. Прыщи, казавшиеся раньше безобидными, превратились в фурункулы. Одноклассники стали сторониться девочки. Все, как будто боялись подхватить опасную заразу. Если к длине ее носа уже привыкли, то к лицу, особенно лбу и голове, покрытыми не просто прыщами, а небольшими частыми фурункулами, привыкнуть было нельзя.

– Прикрой свои болячки, на них смотреть противно до рвоты. Еще заразишь кого, – советовали ей «добрые друзья». – Лечилась бы дома, а не таскалась в класс. От тебя воняет хлоркой, как в туалете.

Это конечно было не самое приятное зрелище, хотя Кристина, как могла, маскировала лоб челкой или повязкой, часто ходила в косынке. «Если бы вы все знали, как это еще и больно, – так и хотела она сказать им. – Запах хлорки мне самой не нравиться, но бабушка, как и вы, боится этой заразы, и дезинфицирует всю мою постель в «Белизне». Что я могу сделать?» – думала она с обидой на непонимание. Все попытки бабушки, с ее хождениями по врачам и косметологам, не дали результатов. Лечение инфекций, которых у нее так и не нашли, не помогло. С этих пор Кристина замкнулась в себе. В школу она приходила за минуту до звонка и уходила одной из первых. Музыкальную школу она закончила, а вот в бассейн ей закрыли дорогу давно. К урокам она готовилась ответственно, но руки не поднимала. Спро-

сят – хорошо, не спросят и ладно. Все поручения выполняла, но без проявления личной инициативы. Она проводила летние каникулы в основном в городской квартире за чтением или инструментом, сделав домашние дела. Если не считать двух-трех недель, проведенных с бабушкой на даче у ее давней приятельницы. Вот, где ей нравилось больше всего. Небольшой сад, где она собирала ягоды в пору созревания, а хозяйка из них варила варенье. Речка, неширокая и неглубокая, лесок, тишина, и она среди всего этого одна. Где ни что и ни кто не напоминало ей о проблемах. Она не обижалась на бывших друзей и подруг, да и они не объявляли ей бойкота, общение сводилось к коротким диалогам. Так начали рождаться ее комплексы. Мешковатая одежда, под которой она прятала свою грудь и бедра делали ее «коротышкой и кубышкой», постоянная повязка или косынка, прикрывающая лоб. И нос, торчащий немым укором. Этот образ, казалось, приклеился к ней навсегда. Ни учителя, ни школьный психолог, ни бабушка не попытались ей помочь и сломать этот стереотип. Было бы совсем плохо, если бы повзрослевшие одноклассники продолжали свои комментарии, но они просто перестали ее замечать. Не замечали ни ее отсутствия в классе, ни ее присутствия в школе. Ей шел восемнадцатый год, когда она случайно услышала в свой адрес «страшный приговор»: «Фигура у нее есть, да и болячки не вечные, но с таким носом, она никогда не найдет себе мужика. Как надо изловчиться, чтобы ее поцеловать, пока

дело до кровати дойдет? Это же не реально: днем стремно смотреть, ночью вообще облом». Так родился еще один комплекс. Был в классе еще один «изгой», которому приходилось гораздо труднее Кристины. Над ним одноклассники последний школьный год открыто издевались и унижали. Высокий, худой «ботаник» в очках с математическими способностями. До отъезда в Германию отец Кристины занимался с ним перед городскими олимпиадами, и он часто был у них в гостях. Если бы ни отъезд отца, возможно, ребята и подружились, нашли бы друг друга. Евгений Водянов, по прозвищу Водяной, пытался подружиться с Кристиной в 11 классе, приглашая ее в кино, но уже после второго похода туда, она от них отказалась. Ребята были слишком разные, чтобы дружить. Тихая и молчаливая Кристина уставала от бесконечных умных разговоров Женьки об открытиях, о возможности перехода мира фантастики в реальность. Он знал и говорил много, но не понятно для нее. Это были не беседы двоих, а лекции. А больше всего ее напрягало то, что в классе он делал вид, что она сама ему абсолютно неинтересна. Все, что она приняла, это его соседство за одной школьной партой. Евгений окончил среднюю школу с золотой медалью, набрав 280 баллов из трехсот возможных, и поступил в престижный вуз. Кристина, без единой тройки, с 245 баллами поступила в медицинский колледж. Это было в июне – июле 2004 года. Бабушка дала понять Кристине, что университет они не потянут. «Учиться шесть лет вместо трех,

для нас слишком накладно. Захочешь учиться дальше, получи сразу специальность», – говорила она. Поэтому внучка и не заговаривала о возможной пластике носа. Кристина никогда не спорила с бабушкой, понимая, что особой любви та к ней не испытывает, но была благодарна за то, что живут они, как родственники. Поступив в колледж, сразу устроилась на работу, днем она занималась, ночами подрабатывала санитаркой. Учеба ей нравилась, нравились и все студенты. Здесь, поступившим на учебу на базе 11 классов, было по 18 лет, и вели они себя, как взрослые люди. Ее внешность была сразу принята, как должное. Мало ли какие проблемы бывают у людей. Если бы она сама сделала первый шаг и «вышла из тени», ее жизнь, наверняка бы, изменилась к лучшему. Но девушка уже не первый год была «запрограммирована» на одиночество и недоверие к окружающим. А кому интересна молчаливая, некрасивая и мрачная девушка в 18-20 лет даже, если она умница и отличница? Ей было двадцать, когда бабушка разменяла свою квартиру, оформив однокомнатную на нее, и уехала к младшему сыну в город Минск. Кристина теперь осталась совсем одна. Квартира была на втором этаже стандартной пятиэтажки, построенной в далеких восьмидесятых. Мебель, перевезенная из квартиры бабушки, ее устраивала. Диван вдоль стены напротив окна с балконом. Три шкафа вдоль одной стены. Два, из которых, с книгами, один с посудой. Телевизор. Окно, с портьерами и тюлем. Плательный шкаф, кресло-кровать, ее форте-

пиано вдоль четвертой стены. На полу натуральный ковер, слегка поеденный молью. Кухня, где был небольшой холодильник, плита, раковина, два шкафа, обеденный стол с табуретами. Совмещенный санузел и небольшая прихожая со встроенным шкафом для одежды. Чего в квартире не было, так это стиральной машины. «Апартаменты, для одного человека, роскошные, – утверждала бабушка, передавая внучке ключи. – У тебя есть все, чтобы начать свою новую жизнь самостоятельно. Постарайся не спешить с детьми, доучись, чтобы было, на что их кормить». Кристина за шесть лет привыкла жить с бабушкой и ее отъезд совсем не радовал. Утешало то, что: во-первых, у нее была своя жилплощадь, во-вторых, она уже могла работать медсестрой, получив документ и допуск, в-третьих, она прошла курсы массажистов, в-четвертых, заканчивала через год обучение, получая специальность акушера. «Ничего, – говорила она себе, – прорвемся. Будем привыкать жить на стипендию и зарплату. Бабуля научила меня не только простой кулинарии, но и жизни по средствам». Получив заветный «красный» диплом, она всего лишь сменила должность. Из медсестры она стала акушеркой в своем родильном доме, и подала документы в медицинский университет. Ее приняли сразу на второй курс, что было невероятным везением. Это было так неожиданно и так неправдоподобно, что она месяца три не могла поверить в такую удачу. Только после зимней сессии, сдав зачеты и экзамены в университете, она приняла эту реальность про-

исходящего с ней. Смены в роддоме были вечерне-ночные, по пятнадцать часов, через три дня. Она по договору взяла подработку массажисткой в той же больнице, в отделении травматологии, а иногда подменяла и медсестер во второй половине дня. Жить стало веселее. Почти две зарплаты плюс небольшая стипендия давали уверенность в завтрашнем дне. За это время, а прошло четыре года, когда кроме работы и учебы, она бывала дома только для короткого отдыха, восемь килограмм веса «ушли», а тело подросло на два сантиметра. Прыщи, которые превратили кожу на лбу в пчелиные соты, исчезли, как будто решив прекратить свои издевательства. Благодаря густым волосам, мелкие шрамы на коже головы были незаметны, а вот лицо «страдало». У Кристины появилась цель – скопить денег и сделать себе «новое» лицо. Это было в ее понятии реально, если на всем экономить и много работать. Работать она не боялась, но ее труды совсем не оправдывались. Чем дольше она собирала заветную сумму, тем быстрее росла стоимость самой процедуры. Получался замкнутый круг. Хотелось было все бросить и «плыть по течению», но что-то ее останавливало. « Люди живут и с большими проблемами, а тут всего лишь длинный нос и лоб, как будто после оспы. На работе и учебе я скрываю все это под маской и шапочкой, а больше я нигде и не бываю, – утешала она себя. – Попробую еще год, а не получится – не буду больше насиловать свой организм, пока не появились другие проблемы. Сокурсники, достаточно взрослые люди, и отно-

сятся ко мне нормально».

Летом прошлого года, ее почти силой отправили в отпуск. Не работать почти месяц, было для нее непозволительной роскошью, и начались поиски подработки. Она была согласна на любую работу кем и где угодно между дежурствами в роддоме. Рядом с домом открылся новый салон красоты, в котором оказывали все услуги и где временно требовался массажист. Документы у нее были в порядке и ее взяли на три недели, точнее на 25 дней. Клиенты в салоне были очень разные, но все не бедные. Одна из пациенток, возрастом пятидесяти лет, запомнилась Кристине особенно. Она говорила то, что думала и совсем не думала о том, что говорит. При всей ее нетактичности, девушка была в душе ей очень благодарна.

– Руки у тебя золотые, – говорила она. – Лицо, правда, очень подкачало. Это даже не лицо, а какое-то сущее наказание. Но тебе, милочка, нужно брать мужиков тем, что у тебя есть. Расстегни свой халат, не стесняйся, я не люблю молодых девушек, мне доставляют удовольствия молодые мужчины. Эти сильные, темпераментные, в меру наглые альфонсы. Ты знаешь как «сделать» себя стройнее и выше? У тебя есть грудь без силикона, своя, настоящая, есть талия, бедра, ножки – гордись. Все это надо показывать, а не прятать под твоими балахонами. Мужик, если он настоящий мужик, созерцая такую роскошь, да в таком количестве, на лицо смотрит, поверь, в последнюю очередь. Не смущайся, я тебе правду

говорю, слушай дальше. Носи юбки выше колена, но не узкие, это не пойдет. Туфли на каблуке, обязательно каблук, даже, если будешь первое время хромать и падать. Блузки покупай на размер меньше, это позволит сделать плечи уже и подчеркнуть грудь. Носи их, заправив в юбку, или завязывая узлом на талии, или короткие, похожие на топы. Да, джинсы, брюки бери только узкие, лучше бриджи и все в обтяжку. Грудь, талия, бедра и ноги – это твой конек, он должен быть всегда на виду, но не в прямом смысле. Я не предлагаю декольте, короткие шорты и мини юбки, они будут только сковывать тебя. Тон ткани сине-голубой под глаза. Рисунок только мелкий, никаких клеток, а полоса только вертикальная. Попробуй, тебе должно подойти все это. Да, носи очки с простыми стеклами или от солнца, сдвинув их на нос и повязку, шарф, шляпу, надвинув на лоб.

– Как Вы определили, что мне подойдет, а что нет? Говорите так, как будто сами надеваете на меня все эти наряды, – спросила Кристина, улыбаясь.

– А ты думаешь, я все свои годы была торговкой? Нет, милая моя, в свое время и мы «были рысаками». Как теперь говорят, я – дизайнер. Раньше это звучало конструктор, модельер, и работала я на большой швейной фабрике. С появлением челноков, фабрика пришла в упадок, не сразу конечно, но финал был предсказуем, и мне ничего не оставалось делать, как влиться в челночный бизнес. Там меня научили, как выживать, чем и как торговать, а главное, как во время

и правильно себя подать. Теперь перед тобой бизнес леди, женщина с денежным достатком, но с большим недостатком интеллекта и достоинства. Одно вытеснило другое как-то совсем незаметно, постепенно и безвозвратно. – Она тяжело вздохнула. – Твоя идея с пластикой выход, но не скорый и не факт, что в одну дверь. Можно, для начала найди «спонсора», но интеллигентного, он поможет тебе решить твою проблему, если, конечно, ты его не разочаруешь. Сейчас много развелось очень странных типов. Кому подавай групповой секс, другим «жесткий», садистский, а третьим «маскарадный». Вот тебе такой вариант и нужен. Наденешь маску, оголишься и вперед. Раздвинешь ноги на час и получишь месячную зарплату. При этом маску, может, и снимать не придется. Чего так смотришь? Переступи через свою гордость, раз не получается по– другому. Я тебя не на панель сватаю, не предлагаю совсем бросить нынешнюю профессию. Ничего страшного за два – три раза с тобою не произойдет. Я дело говорю, как вариант исполнения цели. Со своим официальным заработком, ты долго будешь жить мечтами.

– Я не смогу, но за науку, за совет с гардеробом, Вам, Вера Павловна, спасибо. Обязательно попробую.

– Я могу тебе предложить и деньги под проценты. Проценты будешь возвращать массажем, на сумму напишешь расписку, раз ты такая гордая и правильная. Думаешь, я не понимаю, что говорю пошлость? Все я понимаю. И говорю о том, о чем ты сама знаешь. Многие твои сверстницы, осо-

бенно приезжие, за счет этого живут, и не считают это зазорным. Продавать себя – это тоже, девочка моя, наука. Главное не продешевить и остаться при этом живой.

– Возвращать долг придется ни один год. А что будет, если я лишусь работы? Спасибо, но это тоже не выход.

– Решишь для себя, что лучше, позвони. Я слов на ветер не бросаю, – протягивая Кристине визитку, сказала Вера Павловна.

Кристина рискнула на эксперимент. В ее гардеробе появилось четыре новых вещи. Короткая, легкая и пышная юбка из шифона нежно голубого цвета, бело-голубая шелковая блузка с коротким рукавом и небольшим вырезом, белое платье из тонкого шитья с широкой юбкой, неглубоким вырезом, корсетом впереди и рукавом «крылышки». Белые туфли на каблуке 6 см. В большие расходы эти покупки ее не ввели, но ее «личный стилист» оказалась права на все сто процентов. Кристина впервые чувствовала себя комфортно, неспешно примеряя наряды. Грудь, которую она все время прятала под футболками на 2-3 размера больше, оказалась не настолько и большой, даже нормальной и красивой в удобном белье. Плечи стали уже, а талия тонкой. Она подросла на целых 6 см, пропорции фигуры изменились, и это нравилось ей самой, если смотреть на себя в зеркало от подбородка. Комплексы не пропали, но стали не столь выраженными. « Почему я до этого не додумалась сама? А если бы не встреча с Верой Павловной? Даже не встреча, нет, а ее добрый и

своевременный совет. Так и не узнала бы, что можно быть другой, так бы и ходила в хламидах, – думала Кристина. – Когда-нибудь, я стану чуть «краше» лицом и у меня будет совсем другая жизнь. Меня моя жизнь устраивает, но в ней столько накопилось одиночества. Выражение о том, что оно не зависит от величины твоего носа или банковского счета, так не верно». Кристина, одевалась теперь именно так, как ей советовала Вера Павловна. К осени она купила себе узкие джинсы, короткую куртку и сапожки на каблуке. Первое время, рискуя оказаться пациенткой травматологического отделения, ходила осторожно и не торопясь. И пусть походка была не «от бедра», сознание того, что у нее получается, радовало. Она стала увереннее в себе, иногда забывая на время о своей внешности, чуть улыбчивее, общительнее с окружающими и коллегами, но пока, ни с кем не подружилась. Лучше всего это у нее получалось на работе в роддоме, где были одни женщины, и в университете, где в основном, в группе были девушки, чуть моложе ее самой. Встречая Новый 2011 год на дежурстве, Кристина даже не предполагала, что он окажется таким удачным на чудеса и приятные сюрпризы. Ведь она загадывала всего одно заветное желание. Зима закончилась и наступала весна. Ее мобильный телефон «ожил», в начале восьмого утра четвертого марта. Смена подходила к концу. Звонила соседка по лестничной клетке:

– Кристина, к тебе приехал отец, а я не знаю давать ему ключ от квартиры или нет. Что мне делать? Вдруг это какой

самозванец. Может, сама поговоришь с ним?

– Светлана, дайте ему ключ и не волнуйтесь так. Украсть у меня нечего, а мебель старую он, наверняка, выносить не будет. Я, часа через полтора, буду дома и разберусь, – ответила Кристина, взволнованно. «Папа! Мы не виделись с ним десять лет, а последние четыре года, с тех пор, как бабушка уехала в Белоруссию, даже не перезванивались. Я не знала ни его адреса, ни телефона. Скорее всего, он приезжал на Юбилей бабушки и решил проведать меня. Интересно, какой он сейчас? Господи, у меня же в холодильнике мышь повесилась. Чем же я встречу гостя? – думала она, готовясь сдавать смену. – Ничего, папа, переживешь, я же пережила 10 лет твое отсутствие. Забегу по дороге в магазин, куплю что-нибудь на завтрак, а там посмотрим, с чем ты приехал и стоит ли тебя, папа, кормить обедом».

Волнение сменилось легкой обидой, грустью и мыслями о прошлом. Домой она возвращалась с пакетом продуктов и «пустой» головой. Она позвонила в дверь, зная, что в квартире ее ждет отец. Кристина узнала его сразу. Он мало изменился за эти годы, если не считать поредевших волос и поседевших висков.

– Папка, – сказала Кристина и повисла у отца на шее. – Ты только не говори сейчас ничего. Помолчи.

Так они стояли минуты три и молчали. Кристина прижалась головой к груди отца и слезы сами катились из глаз, а он обнимал ее одной рукой за плечи, а другой – гладил по

волосам.

– Кристя, я на пару дней, а потом вернусь назад, у меня билет на руках. Примешь отца? – спросил он, целуя ее в макушку.

– Приму. Ты по делам или в гости? – спросила дочь, снимая куртку и вытирая слезы. – Отнеси, пожалуйста, пакет на кухню. Я продукты купила на завтрак. Сейчас выпьем кофе и поговорим.

– Набрался ни то смелости, ни то наглости и прилетел тебя навестить, посмотреть, как живешь. Я виноват перед тобой, Кристя, прости. Не все так просто и в моей жизни, но об этом позже. Ставь чайник, – сказал отец, разбирая продукты из пакета. – Я привез тебе сладости из Германии и деликатесы из Белоруссии, твоя бабушка настояла. Еще просила передать письмо. Я положил его на твой инструмент.

– Как она поживает? Ты прилетал к ней на Юбилей? Что вообще нового в твоей жизни? Рассказывай, – просила дочь, ставя чашки на стол. – Как и где работаешь? Как живешь? Мне все интересно. Как я живу, ты видишь. Дома бываю редко, учусь, работаю, но пока не разбогатела. Закончила медицинский колледж и поступила в университет. В университете учусь без «хвостов». Вы с бабушкой вычеркнули меня из своей жизни на целых четыре года. Почему никто из вас не звонил мне даже изредка? Я же вам не чужая. То, что вы уехали, я приняла спокойно. Ваша жизнь – это ваша жизнь, и я была достаточно взрослой девочкой, чтобы это понять.

Но, мы могли общаться, как друзья, знакомые.

– Ты помнишь, дочь, как мы жили до исчезновения мамы?

– Помню.

– Мама внезапно исчезает, а я через два года узнаю, что ты не моя дочь. Не пугайся, ты моя, я говорю о прошлом. Моя связь с Еленой, началась задолго до моего знакомства с мамой. Маму я очень любил и женился по любви. Мы были счастливы двенадцать лет. Два года я сопротивлялся Елене, а после теста ДНК, сдался. Я не предполагал, что человеческая подлость может так далеко зайти. В качестве образца, она выдала волосы своего сына за твои. Тест на отцовство оказался отрицательным. Что я мог думать? Светы нет, развеять сомнения некому, а психологическое давление Лены с каждым днем сильнее. Она и бабушку против тебя настраивала. Но мать оказалась не столь доверчива и наивна, хотя сомнения у нее были, да и характер не простой. Как бы там ни было, узнал я обо всем не вчера, а три года назад. К тому времени хорошо выучил язык, работал, учился. Получив приличную работу с приличной зарплатой, став на ступень выше жены, стал ее раздражать, а мне казалось, она должна была радоваться. Начались упреки, скандалы на ровном месте. Вот в один из таких «концертов» она и поведала все, что обо мне думает. Два года назад мы развелись. Приехать сразу у меня не получалось ни морально, ни материально. Я сам, переживший обман, знал, как больно, когда тебя предают. Бабушка взяла с меня слово, что я приеду на Юбилей и

обязательно повидаю тебя, и вот я здесь.

– Тебе не следовало уезжать, не поговорив со мной. Сказал бы все, как было и возможно, я перенесла твой отъезд не так тяжело и болезненно. Не забывай, мне было 14 лет. И бабушка, партизанка, относилась без особой любви, но причину не раскрывала. Я очень ей благодарна за все, она столько со мной возилась, квартиру вот оставила. А может и хорошо, что я не знала всей правды? Могла ведь и дров наломать сгоряча. Пап, а ведь у меня твой «маленький» носик.

– Я и не отказываюсь. Просто у меня физиономия шире и он не так бросается в глаза. И не забывай, я мужчина, мне проще.

Они еще проговорили больше часа обо всем, сидя на диване. Отец обнял дочь, а она положила ему на плечо свою голову. Очень не просто встретиться через десять лет даже с родным человеком, если расставание с ним было приравнено к предательству. Оба понимали, что понадобится время, прежде чем отношения смогут стать или не стать прежними. На сегодня, времени у них было всего сутки, и терять его на выяснение отношений было нельзя. Сейчас им было хорошо и спокойно, как в далеком детстве. Кристина позвонила бабушке, коротко рассказав ей свои последние новости, а закончив разговор, вспомнила про обед.

– Что мы сегодня будем с тобой обедать? Кулинар из меня неважный, но суп и котлеты приготовить смогу.

– Ты, знаешь, я привык только к ужину. Утром легкий

завтрак, потом бутерброды и кофе, только в ужин питаюсь нормально дома, когда возвращаюсь с работы. Так что особо не суетись, но о себе подумай. Можем выйти с тобой в город, пройтись по магазинам, купить тебе подарки и пообедать где-нибудь. Я, Кристя, слишком долго тебя не видел, и поэтому не знал какие подарки покупать. Я не знаю, чем ты увлекаешься? Что любишь? Что предпочитаешь? Вот и сможешь выбрать сама себе подарки. То, что тебе нужно.

– Пап, я понимаю, что это наглость с моей стороны, но о каких подарках разговор? Какую сумму ты намерен потратить на подарки для меня? – спросила Ксения, глядя на отца.

– У меня наличных тысячи две евро, думаю, всю сумму. Я слишком много тебе задолжал. Обратный билет у меня в кармане. Есть предложения?

– Есть! Подарки, это хорошо, но у меня есть более важное для меня дело, и на всю сумму я не претендую, – сказала Кристина и рассказала ему все, как есть.

– Кристя, я не против, я даже за, если для тебя это так важно. Могу предложить тебе поехать со мной, сделаешь все там. У тебя есть загранпаспорт? Можешь, приехать ко мне позже одна. Можем, прямо сейчас поехать в банк и положить деньги на счет. Ты же не собираешься хранить их дома до операции? А сколько, если честно, вообще стоит подобная процедура? Что будешь делать, если денег не хватит?

– О цене говорить рано. Все зависит от того, что я в первую очередь буду делать нос или лоб. Денег хватит, папа.

Часть суммы я уже собрала, плюс твои «подарочные» по курсу, а до отпуска, соберу еще часть на непредвиденные расходы и в сентябре все сделаю. Я не кажусь тебе бессовестной? Десять лет не виделись, а я уже с тобой «торгуюсь». Как думаешь, у меня получится?

– С совестью я не дружу, дочка. Думаю, у тебя все получится и будет хорошо. Собирайся. Ваши банки сегодня работают? Ты не забыла о том, что скоро праздник? Есть повод устроить его заранее, прямо с утра, а после обеда проводишь меня.

Они вернулись в квартиру ближе к вечеру, в руках Кристины был красивый букет, а в сумочке лежал договор на вклад в валюте. Провожая на следующий день отца, она просила только об одном:

– Пожалуйста, звони хотя бы один раз в месяц, в два месяца раз, не пропадай на годы. Денег я просить больше не буду, обещаю, – сказала она и улыбнулась. – По возможности, приезжай, если будешь скучать. Через год, сделаю себе заграничный паспорт, и наведаюсь к тебе в гости. И мой тебе совет – женись. Тебе нет и пятидесяти, и это ведь не вечер, как в песне. Подумай.

« Мне можно хоть завтра идти в клинику, нужно только ее выбрать, но за консультацией. Полгода я еще потружусь. Отпуск мне летом никто не даст, да и оставаться без гроша в кармане, тоже не вариант», – думала она. Теперь ей оставалось терпеливо ждать осени. В ее жизни мало что измени-

лось, хотя стало одной заботой меньше. На дворе стояла весна, и настроение поднималось само собой. Кристине нравилась ее работа. Ни одна из отработанных смен, не была похожа на другую. Обычно мамочек выписывают на 5-6 день, так что они могли встретиться с Кристиной один, два раза за все свое время пребывания в роддоме. Она находила подход к каждой роженице и не понимала только тех, кто отказывался от ребенка Хорошо, что это случалось редко. Во время родов все они ведут себя по-разному: кричат, плачут, ругают мужей, устраивают истерики, но при рождении малыша у всех одинаково счастливые и радостные лица. Смены тоже попадались разные. Есть дежурные врачи родные, свои из отделения, а бывают из гинекологии или консультации. Их Кристина часто не понимала, и не со стороны профессиональности, а чисто по-женски. Пациентке в предродовой палате и так не сладко, а если к этому добавить равнодушие, или хуже того грубость, тут уж совсем плохо. Такие дежурства были для нее наказанием, а дежурный врач считал это нормой. Но были и хорошие моменты, когда ее смена совпадала с дежурством доктора Плоткина. Этот мужчина, лет 45, ростом под метр девяносто и весом около ста, был любимцем всех женщин. Он принимал роды своими большими руками «виртуозно». Кроме слов «голубушка», «милая», «красавица», «молодчина», «умница», от него можно было услышать лишь их синонимы. Он никогда не повышал голоса, радовался появлению каждого малыша и говорил каждой мамочке: –

«Смотри, какой красавец!» или «Девочка, вылитая принцесса». Кристине очень хотелось в будущем хоть немного быть на него похожей. Когда она случайно услышала комплимент в свой адрес, порадовалась, не смотря на то, что «охарактеризовали» ее просто. Одна из мамочек посоветовала другой: – «Найди акушерку, ее зовут, кажется, Кристина. Такая, длинноносая, она точно поможет, не сомневайся, хорошая девчонка».

Глава 2

Через месяц, в апреле, в отделение травматологии поступил пациент, после ДТП. Кристина не обратила бы внимания на этого хмурого и молчаливого типа, не веди он себя так «неправильно». «Бизнесмена» привезла скорая помощь в обычную больницу, а уж потом, доктора его просто не рекомендовали трогать. Кровать, с его персоной, перевезли в двухместную палату, выписав второго пациента раньше времени. Теперь он лежал и страдал. Кристина хорошо понимала, что страдания его не надуманные. Она другого не понимала, его отношения к своей проблеме. Как молодой, на вид сильный мужчина, может так раскиснуть? Прогнозы, после его травмы, были хорошие. Стоило только набраться терпения и иметь желание подняться. Она пыталась с ним поговорить, но наткнулась на такой взгляд, что передумала. С тех пор, молча, выполняла свою работу и удалялась. Через месяц, когда встал вопрос о его выписке, лечении дома и реабилитации, доктор сказал отцу пациента:

– У нас есть хорошая медсестра и массажистка в одном лице, больные ее очень ценят и персонал. Но вот согласиться ли она? Ее основная работа в роддоме, а у нас ее подработка. Не от хорошей жизни она здесь горбатится за копейки. Вам в любом случае нужно поговорить с ней. Больному будет проще, а ей возможность заработать за свои труды.

С Кристиной разговаривал сам глава семейства.

– Меня зовут Александр Николаевич. Я отец вашего пациента Миронова. Как мне к тебе обращаться?

– Меня зовут Кристина, можно просто коротко Тина. Хотите предложить мне работу? Говорите прямо, я понятливая.

– Тина, помоги нам. Я понимаю, что бросить работу на время очень рискованное дело. Я предлагаю тебе заниматься с Сергеем столько, сколько понадобится. Будешь получать в три раза больше чем здесь, и совмещать занятия с ним со своей основной работой. Подумай. Он привык к тебе, ты узнала его, так будет проще.

– Вы преувеличиваете. Ваш сын не привык ко мне, он терпеть меня не может и не скрывает этого. Кроме того, я помимо основной работы еще и учусь до обеда. Доктор Вам об этом не сказал? Если Вас устроит, я смогу заниматься с Вашим сыном, делать массаж, но после обеда, и только в том случае, если он согласится на это сам. Вы купили ему кровать? Купите заранее простую коляску и пару костылей. Пусть они стоят в его комнате и будут немым укором. Это понадобиться не зависимо от того со мной он будет заниматься или без меня. Если Ваш сын согласиться, я приеду сразу после обеда в день выписки.

Сергей Миронов сам завел разговор с Кристиной в этот же день.

– Мне не нравится затея отца завести мне няньку. Но я согласен на твое молчаливое присутствие в его доме, если ты

мне пообещаешь просто быть сиделкой. Сидеть и не лезть ко мне со своим рекомендациями и советами, – сказал он. – Мне не нужны проповеди, как не нужны жалость и сочувствие.

– Заводятся тараканы. Ни нянькой, ни сиделкой я при Вас не буду. Принимайте меня, как массажиста или медсестру, либо я разрываю нашу сделку с Вашим отцом. Мне совсем не хочется выглядеть в его глазах корыстной особой, которая будет получать приличные деньги и сидеть без дела. У Вас есть возможность все изменить самому. Не хотите – не надо, для меня работы хватает и без капризных пациентов. Извините за резкость.

На следующий день Миронов Сергей Александрович дал согласие на свою реабилитацию с помощью Кристины в стенах дома отца. Кристина прибыла в дом Мироновых после часу дня, когда пациента и двух санитаров доставили на машине скорой помощи. Ей еще не доводилось бывать в подобных местах своего города. Коттеджный поселок напоминал красивую картинку из журнала. Дома были разные по архитектуре, но все одинаковы по основательности и прочности. Крайняя улица была всего метрах в ста от перелеска, дальше протекала узкая река. Было начало мая, а точнее 12 число, погода была теплая и солнечная. Двухэтажный дом, без всяких излишеств, совсем не казался большим, гараж и большой двор с красивым ландшафтом: горка, выложенная из природных камней с цветущей петуньей разного цве-

та, зелень газонов, молодых деревьев и аккуратных кустов и небольшой сад. Ей отвели комнату на первом этаже, как раз напротив комнаты ее пациента. Большая кровать, шкаф, два кресла, журнальный столик, а на стене телевизор. Здесь же, за дверью, был туалет, раковина и простой душ с обычной решеткой для слива. « Видимо комната для гостей или обслуги», – подумала она. – Простенько, но удобно». Кристина не спешила «бежать» к Миронову, давая возможность, устроится на новом месте ему самому. В доме собралась вся семья и прислуга. Хозяин дома был краток и после короткого знакомства со всеми сказал:

– Тина здесь временно, но это не значит, что она чужая в этом доме. Ее обязанность – это занятия с Сергеем, лечение, массаж и никаких других дел, а тем более приказов или просьб с чьей-либо стороны. Она не прислуга, а вы не бары. Я, ясно выразился? Тогда все по своим делам.

Кристина слышала комментарии младшего сына Миронова в свой адрес, но пропустила их мимо ушей. Она прошла в комнату, в которой устроили пациента, и который был с женой, а следом за ней вошел глава семейства.

– Сережа, я зайду позже, когда вы закончите свои процедуры, – сказала Лариса, жена Сергея, и удалилась

– Тина, посмотри внимательно и скажи, чего не хватает. Все препараты в сумке, разберешься. Лист назначения у тебя. Водитель будет тебя отвозить к пяти на работу, или в восемь домой, так ты меньше потратишь времени на дорогу.

Можешь ночевать здесь, а утром, по дороге на работу, я буду подвозить тебя, как можно ближе к университету. Выбор за тобой. Через месяц, когда сдашь сессию, надеюсь, мы договоримся о полном рабочем дне и полном пансионе. Зарплату при этом мы с тобой пересмотрим. Дело не только в лечении и физкультуре, Тина. Я весь день на работе, в доме только Валентина Петровна и ее муж. У них достаточно своей работы. Ты, помимо занятий и массажа, сможешь чем-то помочь Сергею, скажем, составишь компанию. У меня нет ни надежды, ни доверия, ни на его жену, ни на его брата, а моего младшего сына. И не смотри ты на меня так, Серега. Я знаю, о чем говорю. Будет твоя Лариса оставаться в поселке, я буду только рад этому. Выходной в воскресенье, после утренних процедур, можешь уезжать домой и возвращаться самостоятельно. Договорились? Здесь твоя зарплата за месяц вперед, так мне будет спокойнее. Вечером, после ужина, зайди, пожалуйста, ко мне, – попросил он и вышел.

Кристина разобралась с лекарствами, вымыла руки и подошла к больному.

– Вы отдохнули? Мы можем заниматься? – задавала она вопросы, которые оставались без ответа. – Хорошо. Не хотите, как хотите. Займемся водными процедурами.

Она прошла в ванну. Здесь была и ванная, и душевая кабина, унитаз, раковина. Наполнив ванну теплой водой с ароматной пеной, она вернулась в комнату вместе со средним братом.

– Давай, Серега, смоем с тебя все болячки. Держись за шею. Не бойся, не уроню.

Все три брата в семье Мироновых были брюнетами, с общими похожими чертами лица, ростом выше метра восемьдесят, причем средний брат, килограммов на пять-семь тяжелее и мускулистее. Сказались занятия спортом в молодости. Старший и младший не занимались спортом как таковым, кроме физкультуры, как урока, но на их телосложении сказывалась «природа».

О чем разговаривали братья, Кристина не слышала, но принесли Сергея довольного в свежей футболке и коротких трусах. Кристина начала делать массаж. Еще полчаса прошли в тишине. Обедал Сергей в присутствии жены. Тина вышла из комнаты при ее появлении, и вернулась только тогда, когда увидела в окно, как Лариса садиться в свою машину.

– Сергей Александрович, Вам что-нибудь нужно? Куда ведет эта дверь? – спросила она, без всякой надежды на ответ.

– Мне ничего не нужно, а дверь ведет в кабинет. Я сейчас занимаю комнату отца, а она соседствует с кабинетом. У него два входа-выхода. Что делает здесь эта коляска?

– Ждет, когда Вы возьмете себя в руки, начнете заниматься, и учиться пользоваться ею. За ней и костыли лежат. Почему о них не спросили?

– Это что, немой укор человеку упавшему духом?

– Для того чтобы упасть, надо хотя бы для начала подняться. Зачем Вы согласились на мое присутствие, если не

собираетесь подниматься с кровати? Понадоблюсь – позовете. Ужин я принесу.

Она прошла в свою комнату, заглянула в конверт: « Я буду терпеть Ваши капризы Сергей Александрович за такие деньги», – подумала она. Разобрала вещи и тихонько зашла в кабинет со сторону коридора. Здесь стояли полки с книгами, большой стол, на котором стоял ноутбук, и у которого стояло удобное кресло и диван. До ужина ее никто больше не беспокоил. Принеся ужин и поставив столик на кровать, спросила:

– Валентина Петровна спрашивает: что Вам приготовить на завтрак?

– Спасибо, мне ничего не нужно. На сегодня ты свободна и не буди меня с утра, занятий не будет.

– Спокойной ночи, – сказала Кристина, забирая посуду.

По дороге на кухню она встретила Ларису.

– Не говори Сергею о том, что я вернулась, – попросила она Кристину, поднимаясь наверх.

Кристина промолчала, отнесла посуду и, следуя указаниям кухарки, постучала в дверь Александра Николаевича.

– Вы просили меня зайти. Я Вас слушаю.

– Как он? – спросил отец о сыне.

– Плохо. Он ничего не хочет. Предупредил с вечера, что занятий завтра не будет. Боюсь, я не справлюсь с его депрессией. Простите мне мое нездоровое любопытство. От чего Ваш сын так раскис? У него есть проблемы помимо последствий ДТП? Он ведь даже не пытается попробовать поднять-

ся.

– Попробуй его покритиковать. Он как-то болезненно к этому относится, но выслушивает, а вот жалеть его не надо. Прочти, что написал доктор для меня. Препараты я купил, все здесь, в пакете. Справишься? Одна просьба, не посвящай в это никого.

– Где я могу помыть руки? – спросила Кристина. – Пока я буду готовить капельницу, сходите в туалет. Возможно, после нее Вы уснете, так будет разумнее.

Она сделала укол, поставила капельницу.

– Минут через двадцать зайду. Будет клонить в сон, спите, не бойтесь, я все сделаю. Утром я не поеду с Вами. Сделаю так, как Вы советуете, и попробую поговорить с ним еще раз. Вы меня после этого не уволите?

Утром, приведя себя в порядок, Кристина переступила порог комнаты Сергея Миронова в семь часов.

– Сергей Александрович, поднимайтесь, нас ждут великие дела.

– Я же просил меня утром не будить, – недовольно, с вызовом, проговорил Миронов.

– Как я могла Вас разбудить, если вы не спали. Скажите мне честно, чего Вы добиваетесь? Я не могу уйти. При Вас мне вчера заплатили за месяц вперед, Вы видели это, не возражали, сделали вид, что согласны, а деньги мне нужны. Я буду терпеть все Ваши капризы минимум десять дней, и выполнять свои обязанности. Сможете подняться и вытол-

кать меня в шею раньше? Молчите? Тогда давайте попробуем жить дружно.

Не говори она так спокойно, вполголоса, как заговорщица, чтобы разговор остался между ними, Миронов, наверняка, перебил бы ее, сказав грубость, поставил на место, накричал. Но этот ее тон его и останавливал. Он понял, что ей известно что-то, чего он не знает.

– Ты готова терпеть унижения за деньги? Почему? Да сними ты эту чертову маску, мы не в операционной.

– Начнем с того, что оскорблений и унижений я не потерплю даже за большие деньги. Вы пока только грубите и капризничаете, как обиженный ребенок, а это ни одно и тоже. Я не могу насильно заставить Вас заниматься, но я смогу, находясь здесь, помочь Вашему отцу. Вчера вечером, по назначению врача, мы начали курс лечения и это продлиться минимум десять дней. Вы в курсе того, что у него проблемы с сердцем? Не думаете о себе, подумайте о нем. Вы видели, как он держится, чтобы не огорчать ни Вас, ни вашу семью? Просил меня не посвящать в сию тайну никого. Но я слова не давала. Думаете ему легче, чем Вам? Сердце гораздо важнее для организма, чем Ваши две конечности. А деньги мне нужны, чтобы, как можно реже, надевать эту самую «чертову» маску, – сказала Тина, снимая маску и шапочку. – Вам не нужны комментарии?

– На мой взгляд, не все так ужасно, – сказал Миронов, хотя лицо Кристины ему не понравилось. – Не всем же девуш-

кам быть красавицами. Нос можно исправить, а лоб, руками умелого хирурга тоже обновить. Из-за своего лица, которое ты хочешь изменить, будешь терпеть капризы моей персоны? А как же гордость?

– Кто бы говорил! Заметили в моем глазу соринку? А бревно в собственном глазу не мешает? Вы сколько лежите, месяц? А что сделали для того, чтобы встать? А я больше десяти лет слышу в свой адрес, мягко говоря, критику. Ваш брат в первый день дал полную характеристику моей внешности, а ведь мы с ним даже не знакомы. Все начинается с обиды на весь мир за то, что он тебя не понимает и не принимает, такой, какая ты есть. Позже, ты начинаешь верить в то, что ты никому не нужна, не интересна, и этот мир обходится без тебя и не становится хуже. А поверив, с этим живешь в гордом одиночестве. Вас в семье у отца трое, ваши жены, его внуки – все переживают за Вас. А теперь представьте, что Вы, как я, одни. У Вас нет ни друзей, ни подруг, ни денег. Все что у Вас есть, это жилье и работа. В квартиру к Вам никто не придет, так как друзей у вас нет, а работать Вы не можете. Как вам такая безрадостная перспектива? Выкарабкаетесь или будете лежать, и умирать с голоду? Проблемы есть у всех, но не все их хотят или могут решить. В данном случае я не могу, а Вы не хотите, – говорила негромко Кристина, даже не глядя на Миронова. – Чисто по-человечески, я бы Вас поняла, будь Вы танцором балета, профспортсменом или военным. Но даже для них, Ваша травма – это не

конец карьере, нет, но вот ступеней к ней, добавится слишком много. Вы – то чего раскисли? Ходить Вы сможете, если захотите. Я внимательно прочла Вашу историю болезни. Там и намека нет на «приговор», Вы сами себя приговорили. Нужно лишь время и желание встать, а у вас нет ни желания, ни терпения. Вы могли бы уже через месяц ездить на работу в коляске, давая своему отцу отдых или работать дома в кабинете. Да, неудобно, да не привычно, но возможно. Начните уже думать о своих близких, а не только о себе любимом, не изображайте из себя инвалида, коим Вы не являетесь или продолжайте себя жалеть. Сделайте свой выбор для себя, но учтите, сопли я утирать Вам не буду. Вы же эгоист чистой воды. У Вас проблемы не с ногами, Вам, в первую очередь, голову лечить надо. Зря Вас поместили в отдельную палату, а не в общую. Вы бы увидели, как настоящие мужчины справляются с подобными проблемами, как придумывают способы передвижения, как используют подручные средства, как потеют от нагрузок. Извините, Вы сами вынудили меня сказать все это, – закончила негромко Тина и услышала смех.

Смеялся Миронов. Смеялся так, что на его глазах появились слезы.

– Это Вы над моими словами смеетесь или над собой?

– Тина, меня так просто, без затей, еще никто и никогда не называл «сопливым идиотом», – отвечал он, смеясь.

Его слова прервал стук в дверь. Вошел хозяин дома. Он из-за двери слышал смех сына и это его радовало.

– Доброе утро, – сказал он, кивнув Тине и пожав сыну руку. – Вижу настроение хорошее. Чем думаете сегодня заниматься? Я видел Ларису. Она ночевала здесь, не уезжала?

– Вечером зайди, отец, после работы ко мне, поговорим. Пусть Лара сейчас зайдет, если спит, выдерни ее из постели, – попросил Сергей отца.

– Тина, зайди через час, мы продолжим наш разговор.

Кристина вышла из комнаты, не дожидаясь прихода Ларисы. Она догадывалась, чем может закончиться беседа двух супругов. Лариса вошла в комнату мужа с недовольным и заспанным лицом.

– К чему такая срочность? Ты же знаешь, я не просыпаюсь рано, – говорила она, присаживаясь на край его постели. – Можно я рядышком с тобой еще посплю?

– Досыпать будешь чуть позже, а сейчас, будь добра, исполни свой супружеский долг.

– Ты думаешь у тебя получиться? – томным голосом спросила жена, снимая легкий халатик, под которым ничего не было.

– Главное, чтобы у тебя это получилось. На меня особо не рассчитывай. Тебе после Олега отдых не нужен? Ты забыла одну маленькую деталь, дрянь. Комната Олега находится как раз над этой, а стоны твои трудно спутать с другими. Ты бурно провела прошедшую ночь, доставь и мне маленькое удовольствие.

– Сережа, ну что ты злишься? Ты же знаешь, я не мо-

гу долго прожить без секса. Я тебе давно предлагала развестись, а ты все тянул. Ты мне отказал в больнице, хотя, с тобой было все в норме, и сам ты получил удовольствие. Вчера, нам тоже ничего не мешало заняться этим, но ты опять не захотел, а Олег сам пришел, я и не устояла, – говорила она, не сожалея о том, что сделала. – Целый месяц я не могла выдержать. Не сердись.

– Зачем же здесь и с братом?

– Я раскованная, но не распущенная, чтобы тащить кого-то в супружескую кровать. Я попыталась сделать это сама, но мне этого мало. Случайные связи опасны и я соблазнила Олега. Мальчик он чистоплотный, не в меру любопытный и ненасытный.

– Довольно оправдываться, ты здесь не для этого. У тебя есть более важная миссия, помолчи.

Он говорил, казалось, спокойно, а внутри все кипело от злости на самого себя. Он знал слабости этой женщины, как знал и то, что она считает это достоинством. То, что она сделала, было даже не предательством, а ожидаемым результатом в их отношениях. « Я сам виноват. Ни она меня в загс тащила, а я ее. Она заводила меня с полуоборота, мне это нравилось, ни о чем другом я и не думал. Но с ее темпераментом, меня хватило на год. Нужно было принять ее предложение и подать на развод, а я для окружающих создавал видимость счастливой семьи. Как же, второй брак, я тянул время, отлично понимая, что в ближайшие двадцать лет она не из-

менится. И это не ее вина, это моя глупость. Не можешь сделать женщину счастливой, отойди, не мешай другим. Теперь став рогоносцем, ищу всему оправдание. Ни она, ни Олег даже не догадываются о том, что я в курсе их прежних отношений. Это я «увел» ее у брата», – думал он, пока не почувствовал легкое возбуждение и не выбросил все мысли из головы.

Он не держал ее около себя, и она могла в любую минуту уйти, но не уходила и делала все, чтобы угодить обманутому мужу, не забывая при этом получить свое. Уже почти год они жили по привычке, хотя такая жизнь не устраивала обоих. Их связывал только секс. Ларисе, для полного счастья, нужна была свобода от семейных уз, а Сергею хотелось семью, которую он видел, но без Ларисы.

– Постарайся дня три не попадаться мне на глаза, а там посмотрим, что с тобой делать, – сказал он жене, все еще тяжело дыша. – Намочи полотенце и подай его мне. Приведи себя в порядок, в доме посторонние.

– Думаешь, она не догадывается, что здесь происходит?

– Догадываться и быть уверенным две разные вещи. Делай, что говорят. Семейное ложе можешь использовать по назначению, я в квартиру не вернусь. Подавай на развод и свяжись с моим адвокатом.

– Сережа, мне не нужна наша квартира. Что я в таких хоромах буду делать? Купи мне небольшую квартиру, на пару комнат, и помоги с работой. Я знаю, что ты меня без денег

не оставишь, но так мне будет спокойнее. Подумай об этом.

– Поиском квартиры занимайся сама. Если меня устроит ее стоимость, получишь квартиру. Думаю, ты не будешь претендовать на центр города. Как бы я к тебе не относился, вспоминай сказку о золотой рыбке. А вот с работой определяйся сама, поручителем я выступать не буду.

Тина не заходила к Сергею в комнату до обеда. Принеся обед, она поставила столик на кровать, стараясь не встречаться с ним взглядом, и он это заметил.

– Что с настроением? Тебя обидели? Что вообще происходит за пределами этой комнаты?

– Настроение рабочее. Обидеть меня трудно. Кроме кухни я не бываю больше нигде. Ничего не происходит, кроме того, что Вы, больной, второй день филоните. Обедайте, Сергей Александрович, набирайтесь сил, посуду я заберу минут через двадцать. Приятного аппетита, – сказала Кристина тихим ровным голосом, даже не взглянув на него.

– Тина, если ты забыла, то напоминаю: я женат. Лариса моя жена. Плохая ли, хорошая, но жена, а между супругами бывает секс. Воспринимай это, как чистку зубов или ежедневный душ и не надо иронизировать.

– О том, что Вы женаты, я помню. Но чужая семейная жизнь меня меньше всего интересует, как и Ваши отношения с женой. Вы еще скажите мне, что я ей завидую и ревную. Если у Вас нет ко мне вопросов, я зайду позже. Сегодня я и так слишком много сказала Вам, а это не в моих правилах.

– Слушай меня внимательно, Тина. Я буду делать, все твои чертовы упражнения, чтобы подняться на ноги и отвезти тебя в клинику к пластическому хирургу. Обещаю.

– Вы решили меня пожалеть или помочь? Напрасно. Мне не нужна ни Ваша жалость, ни Ваша помощь, я справлюсь сама, если Вы дадите мне возможность спокойно работать и заработать при этом. От Вас не требуется ничего невозможного. Если через месяц результат от занятий будет нулевой, я уйду. Не буду раздражать Вас своим присутствием. Отработаю полученные деньги и уйду.

– Хорошо, пусть будет так, только не надевай, пожалуйста, маску. Мне так проще с тобой общаться. Я не откажусь от поездки в клинику, не надейся.

– Поживем – увидим, – сказала Кристина. – Больше я не буду бессмысленно пропускать занятия. Хотите, дам на утро комплекс упражнений? Будете заниматься в мое отсутствие. С завтрашнего дня, моя смена будет начинаться в 13:00 и заканчиваться в 18:00, ни минутой больше. Я не хочу казаться резкой и незаменимой, но я не психотерапевт, я медсестра. Если Вы не поняли того, что я сказала, мне очень жаль.

– Да понял я все. Ты не могла бы ездить в университет с моим отцом? У нас был бы с утра час на занятия, скажем, с 6 часов.

Прошло два месяца. После 15 июня, Кристина, сдав экзамены за четвертый курс, перебралась окончательно в дом Мироновых, покидая его только на ночные дежурства в род-

доме. Распорядок дня был одинаков изо дня в день. Подъем в шесть утра, занятия, душ, завтрак, прогулка. Массаж, обед, отдых, опять зарядка, прогулка, ужин, сон. Им потребовалось всего три недели, чтобы укрепить плечевой пояс и научиться самостоятельно, осторожно садиться в коляску, не привлекая к этому Григорьевича. Остальное было сделать проще. Теперь они могли гулять, дышать свежим воздухом. Кристина не навязывала Миронову своего общества.

– Сергей Александрович, отдыхайте. Захотите поговорить или что-то понадобится, я рядом, позовете, – говорила она пациенту после занятий.

– Ты чем занимаешься в кабинете?

– Раньше готовилась к занятиям, экзаменам, а теперь Ремарка перечитываю. Его «Триумфальная арка» мне нравится. Вы только вслушайтесь, как он пишет: *«Нам всегда кажется, что если мы помогли человеку, то можем отойти в сторону; но ведь именно тогда ему и становится невмоготу»*. Как, на Ваш взгляд, что он имел в виду, написав это?

– На мой взгляд, это значит, что ты не можешь меня бросить даже тогда, когда я встану на ноги. Имей это в виду, – говорил он, улыбаясь. – Но мне запомнилась другая строчка: *«Человек без любви не более чем мертвец в отпуске, несколько дат, ничего не говорящее имя. Но зачем тогда жить?»* Как тонко и как точно.

Вот так началось их общение благодаря Э.М.Ремарку. Кристина, привыкшая больше молчать, чем говорить, заме-

тила, что Миронов задает вопросы, на которые нельзя ответить парой фраз. Теперь Миронов не казался Кристине таким мрачным. Рядом с ним она чувствовала себя не столько легко, сколько естественно. Она совсем не задумывалась над тем, как воспринимает ее собеседник. Но при этом, отмечала, что за свою короткую жизнь столько не говорила вслух, а уж тем более не вступала в дискуссии и споры. Скоро они знали друг о друге многое. Их беседы проходили на прогулках у дома в тени деревьев. Кристина помогала Сергею пересаживаться в коляску, и они выезжали во двор. Сергей рассказывал истории из юности, говорил об учебе и работе, об отце, братьях, племянниках, умалчивая только о своей личной жизни. Тина узнала, что они потеряли мать, когда он был студентом, Андрей оканчивал школу, а Олегу было всего 9 лет. Что этот дом они купили три года назад, а до этого жили все в городе.

– У нас один Андрей был буржуем с большой квартирой в двух уровнях. Но у него одного было двое детей и жена. Я жил в однокомнатной квартире, а отец и Олег в родительской. Потом и я «разбогател», купил себе подобную жилплощадь, а свою передал Олегу. Отец решил перебраться сюда, и мы не возражали, совсем не подумав о том, что он, таким образом, хотел соединить семью. Соня и Саня учатся в школе, посещают музыкальную школу, корт, бассейн. Для всего этого удобнее жить в городе. Юля сама водит машину, но ездить отсюда неудобно. У Андрея жена молодец. Всю семью

тянет одна. Пока дети были маленькие, ей мать ее помогала, а года через три, все стала делать сама. Ни няни, ни прачки, ни кухарки. Я сразу вспоминал свою маму, она же еще и работала, и нас трое оболтусов. Мне, конечно, доставалось, но по делам. Мне 12, Олегу 2, меня футбол ждет, а он в коляске орет. В такие дни и минуты, я готов был его убить. Детей надо рожать с небольшой разницей в возрасте, года два, три. Родителям может быть и трудно, но их детям легче. У нас с Андреем не было никогда ни обид, ни соперничества, ни ревности, ни ощущения разницы в отношениях с родителями. А вот с Олегом, мало что доставалось, но были обиды, и недопонимание, и ревность. Олегу и сейчас многое прощается. Он, имея машину под задницей, приезжает сюда даже не каждый выходной. У него своя холостяцкая жизнь. Да и я от него недалеко ушел. Наведывался только в выходные, праздники, но не всегда. Одним словом, вывезли отца в поселок одного и бросили. Только Валентина Петровна с мужем и выручают. Он не жаловался, но каждый выходной ждал. Теперь вот меня дождался, увечного, надолго.

Александр Николаевич каждое утро начинал с посещения старшего сына, когда Кристина «истязала» его зарядкой. Она с каждым днем давалась Сергею легче, а эффект был лучше. После ужина отец беседовал с сыном в кабинете, откуда доносились голоса спорящих компаньонов.

В выходной день в доме собиралась вся семья. Из города приезжал средний брат с женой и детьми. Один день посвя-

щался пикнику на реке с купанием и шашлыками. Кристина оставляла Сергея на попечение брата, а сама занималась с детьми. Они втроем уходили чуть в сторону, плавали, играли в мяч, придумывали себе развлечения. « Рты не раскрывайте на прелести Тины, – говорила Юля братьям. – Это компенсация за ее лицо. Кто примет его, все остальное получит в виде бонуса. Почему она так стесняется своего вида? Ну, ни красавица, ну, и не страшила. Кто так повлиял на нее, сумел убедить?» Иногда семья Андрея оставалась ночевать, и тогда по вечерам в гостиной устраивались концерты музыки. Дети, которым было семь и восемь лет, посещали музыкальную школу, и радовали деда. Неплохо музицировала и их мама. В такое время Тина не покидала свою комнату и слушала юных музыкантов там. Три недели назад, Сергей Миронов начал делать первые шаги на костылях и работал за столом в кабинете, а неделю назад поехал в офис на коляске. Тине удалось убедить его в том, что его коллеги должны увидеть не упавшего духом шефа, а выздоравливающего, полного сил и оптимизма руководителя. С этого дня Миронов как-то воспрял духом еще больше. Прошло почти три месяца, как его привезли из больницы домой, и Тина подумывала уже разорвать договор. В этот день, возвращаясь, домой из офиса, трое мужчин застали Кристину за инструментом. Она заметила фортепиано еще в первый день своего пребывания в доме, но не решалась даже открыть крышку. Сегодня, пользуясь отсутствием в доме хозяев, решилась, и теперь, при-

крыв глаза, наслаждалась музыкой, которая рождалась под ее пальцами. Мужчины слушали минут пять, прежде чем начать аплодировать. Тина извинилась за самодеятельность.

– Тина, попроси, пожалуйста, пусть принесут в кабинет кофе.

Кристина выполнила просьбу и прошла к себе, думая о том, когда и с кем начать разговор об уходе. Ее мысли прервал звук из кабинета, звук разбившейся чашки. Она прошла в кабинет, увидела на полу осколки, но не чашки, а молочника.

– Я отнесу на кухню все, что еще уцелело из принесенного, и попрошу убрать, – сказала она, ставя на поднос посуду.

Пока Валентина Петровна убирала в кабинете, Кристина мыла под краном чашки. Она не слышала шагов и вздрогнула, когда ее взяли за плечи. Развернувшись слишком резко, она увидела перед собой Олега и почувствовала легкий запах алкоголя.

– Изображаешь теперь из себя домработницу? – задал он ей вопрос, положил свои руки ей на талию и притянул к себе. – Да у тебя, оказывается, и талия есть. Слушай, такая талия, грудь, бедра – отпад! А рожа подкачала. Ты сама себе в зеркале нравишься? Ты скажи мне честно, как с тобой заниматься любовью, если не знаешь, как умудриться тебя поцеловать? Может, попробуем?

– Оставь меня в покое. Чего ты все время добиваешься? Что я сделала тебе плохого? Отпусти!

– Плохого ничего, но и хорошего пока не было, – сказал он, подхватил ее под мышки и посадил на столешницу. При его росте 180 и ее 160, сделать это было несложно. – Чего ты строишь из себя недотрогу? Ты же не школьница, понимаешь, что к чему.

Под руку Кристине попалась чашка, которую она недавно мыла, и которая полетела в стеклянную дверь кухни, разбившись вдребезги.

– Ты не просто чучело, ты глупое чучело. Помощи ждешь? Так я тебя и так отпущу. Покажешь, как ты это делаешь с моим братом и иди, – сказал он, расстегивая молнию на джинсах. – Ларка это делает классно. Ну! – Он рванул на ее груди халат и тонкое платье так, что пуговицы посыпались по полу.

Окрик « Олег», ее удар ногой в его промежность и чайной сахарницей по голове произошли одновременно. Она соскользнула со стола, и, не взглянув на осевшего Олега, кинулась с кухни прочь. Такого унижения она еще не испытывала. Его последнюю фразу слышали все трое, убедившись в очередной раз, что сын и брат, мягко говоря, подлец. А то, что жена старшего спит с младшим, не для всех стало новостью. Олег пришел в себя после пощечин отца.

– Андрей, догони Тину. Как бы чего не вышло, – попросил Сергей Андрея. – Она, скорее всего, пойдет на реку.

– Как думаешь, Серега, заявит Тина на Олега? – спросил отец.

– Я бы заявил. А если заявит, пойду свидетелем вместе

с Андреем. Прости отец, но по-другому не смогу. Он зашел слишком далеко, – сказал Сергей, возвращаясь в кабинет на коляске.

– Допрыгался, идиот? Моли Бога, чтобы она тебя простила. На этот раз я не буду вытаскивать тебя из дерьма. Тебя, по этой статье, еще в изоляторе поставят, как положено.

– Да она мне голову разбила, дура. Я весь в сахаре по ее милости. Я что, совсем идиот, делать это при полном доме народу? Приколоться хотел.

– Вот и прикололся года на три. Думаешь, Сергей тебе Ларку простит? Не надейся. У тебя есть один выход: просить прощения у Тины, жить в городской квартире, искать и выходить на работу. С сегодняшнего дня, все разговоры о деньгах заканчиваются. Как и на что ты будешь жить, мне не интересно. Захочешь работать в нашей компании, я против этого не буду, но обычным юристом в отделе, с соответствующей зарплатой. Опыта у тебя нет, так что извини.

– Отец, это все из-за какой-то медсестры? Выбросить меня из семьи, из бизнеса.

– Не кажись глупее, чем есть на самом деле. На семью тебе плевать с высокой колокольни, иначе бы ты ей дорожил. Эта, как ты говоришь, медсестра, поставила твоего брата на ноги, а ты в это время развлекался с его женой. Это я к вопросу о семье. К бизнесу ты не имеешь вообще отношения. Ты только деньги из него тянул за свои, мягко говоря, проступки. В дальнейшем пять процентов акций по завещанию

получишь, но не больше. Пора парень тебе взрослеть, а мне прозреть. Утром соберешь свои вещи, и чтобы духу твоего в доме не было.

– Ты не можешь со мной так поступить. Я твой сын и это твое воспитание, сам виноват.

– А кто мне помешает так поступить? Моя вина в том, что я слишком долго и слепо тебе доверял, но всему приходит конец. Мое решение не изменится. Для того чтобы начать новую жизнь, у тебя есть квартира, машина и специальность. Разговор окончен.

– Да, пожалуйста! Думаете, пропаду? Не мечтайте. Вам всем было удобно считать меня придурком, не способным ни к чему, а я не спешил вас разочаровывать. Вы откупались от меня деньгами. О каком воспитании речь? Что выросло, то выросло, или, как там еще, в семье не без урода, вот и дальше так думайте.

Они покинули кухню одновременно. Олег поднялся наверх, а отец прошел в кабинет. То, что он увидел, поразило его больше, чем разговор с младшим сыном. Сергей передвигался при помощи костылей самостоятельно. Короткие, шаркающие шаги с упором на костыли.

– Давно бегаешь? – спросил отец, улыбаясь.

– Минут пять-шесть. Что-то Андрюха задерживается, мне не спокойно что-то. Вот от этих мыслей и отвлекаюсь. Тина вряд ли вернется в дом, не тот характер, а я обещал отвезти ее, когда сам поднимусь на ноги, к пластическому хирургу.

Она об этом мечтает.

– Есть стимул тренироваться. Хотя, что тебе мешает сделать это сейчас? Езжай на своем «двухколесном» коне.

Отец не договорил, дверь открылась, и на пороге появился Андрей.

– Серега, Тина в дом не вернется. Сейчас она вещи собирает, я отвезу ее домой и останусь в городе. Она не будет писать на Олега заявление. Что делать будешь? Бросать занятия нельзя. Сам без нее справишься?

– Назло врагам одолею ходьбу. Завтра пришлите мне машину с водителем, я приеду в офис после клиники, а сейчас пригласи, брат, Тину. Пусть зайдет в кабинет.

Тина уже переоделась, привела себя в порядок, но ее глаза выдавали недавние слезы. Увидав Сергея Александровича на двух костылях, она улыбнулась.

– Давно стоите?

– Я не стою, я бегаю, – ответил он, улыбаясь, делая несколько неспешных шаркающих шагов.

– Теперь у Вас все получится, справитесь без меня.

– А как же наш уговор? Я почти на ногах, и могу отвезти тебя в клинику. Ты не передумала?

– Вы это делаете из-за сегодняшнего инцидента?

– Я исполняю условия нашего с тобой договора. Сейчас ты заберешь свой гонорар, а завтра, часов в десять, я за тобой заеду и мы проведем разведку боем. Конверт на столе. Мне нужно знать, что ты попадешь в хорошие руки. До завтра.

Кристина забрала конверт и вышла из кабинета с небольшой сумкой. У выхода ее догнал Олег.

– Не говори ничего. Тебе трудно переступить эту грань. Я не буду писать заявление. Живи спокойно, – говорила она, глядя ему в глаза. – Не всегда у родителей рождаются красивые и умные дети, бывают и неудачные зачатия, но это не вина детей, это беда их родителей. Природа обделила меня красотой, а вот тебя наделила великой глупостью. Прощай.

– Подожди, прости меня. Купи одежду, взамен той, которую я испортил, – сказал Олег, протягивая ей деньги. – Деньги мои, и поверь, я не совсем пропащий.

Глава 3

Кристина не была дома с воскресенья. Это был ее законный выходной. Сегодня была среда, 10 августа, без двух дней, она три месяца проработала в доме Мироновых. «Конечно, неприятно, что все закончилось таким образом, но никто не застрахован от глупых поступков самовлюбленных людей. Поступок, действительно очень глупый, глупее не придумаешь, и рассчитан он был только на мою реакцию. Испугайся я, было бы еще унизительнее, – думала она, разбирая свои вещи и готовя гардероб на завтра. – А вот участие Сергея Александровича станет для меня спасительной соломинкой. Он не повезет меня в плохую клинику, а значит, я попаду в руки хороших специалистов, и моя мечта исполнится. Только, как быть с оплатой и решить вопрос с работой? Сколько мне понадобиться времени для реабилитации? Получится что-нибудь из этой затеи? То, что хуже не будет, я почти уверена, но как все пройдет? Не буду забегать вперед. Вопрос с деньгами и работой решу завтра, после посещения клиники, а заодно узнаю, что нужно иметь с собой. А сейчас настройся, Кристина, на генеральную уборку, покупку продуктов и привыкай жить без прислуги. Ты у себя дома».

Наутро, после звонка Миронова, она легко «выпорхнула» из подъезда дома в белом платье, туфлях на каблуке и темных очках.

– Доброе утро, Сергей Александрович, – сказала она, садясь в машину. – Здравствуйте, – обратилась она к водителю.

– Андрей, по совету жены, дал адрес хорошей клиники. Там, по мнению Юли, врачи творят чудеса. Не передумаешь ложиться добровольно под нож? – спросил Миронов.

– Хуже чем есть не будет. Надо рисковать, а потом пить шампанское, – пыталась пошутить Кристина

Они пробыли в клинике вдвоем больше часа. Доктору было за сорок, и он был очень внимателен и участлив. Миронов, решив все вопросы, которые касались финансов, уехал, а Кристина осталась, на этом настаивал доктор. Кристина рассказала ему обо всех своих проблемах, ничего не скрывая.

– Павел Алексеевич, мне иногда кажется, что эта операция единственная возможность покончить с моими комплексами. И дело не в конечном ее результате, а в самом проведении. Даже небольшие изменения в моей внешности, позволят мне по– иному взглянуть на себя. Разрушить стереотип, который накапливался годами. Еще пять-шесть лет назад меня называли и «коровой», и «жирной». Я не придерживалась диет, но совмещая работу и учебу, как-то «незаметно» похудела на восемь килограмм и чуть подросла. Я сумела подружиться со своим телом, теперь хочу подружиться и с лицом. Понимаете меня? Вы ведь не станете мне советовать посещение психотерапевта?

– Кристина, я Вас очень хорошо понимаю, более того,

обещаю постараться. Если быть честным, нос, действительно, великоват для такого лица, мы это исправим. По самым скромным подсчетам, в клинике Вы будете находиться от десяти до пятнадцати дней. И дело не в Вашем носе, нам предстоит свободная пересадка кожи на Ваш лоб, взятая с боку грудной клетки или с внутренней стороны бедра. Вы должны понимать, что процедура эта сложная, а самое неприятное – это возможное отторжение. Вам стоит ни куда не спешить, набраться терпения, выполнять все назначения и все рекомендации. У Вас есть время на сдачу всех анализов, и в среду, 17 числа, я Вас жду у себя. Договорились?

– Договорились. Когда я должна внести деньги?

– От вашего имени вся сумма уже поступила на наш счет. Вам не о чем беспокоится. Держите договор на оказание услуг и копию об оплате. Увидимся в среду. До свидания.

Кристина поблагодарила доктора, и поехала после клиники на работу. Вся ее основная трудовая деятельность прошла в первом родильном доме. После поступления в колледж, она работала здесь в качестве санитарки, через два с половиной года, получив допуск, перешла в медсестры, а закончив колледж, стала работать здесь же акушеркой.

– Отработай сегодня свою смену, в субботу тебя ждут сутки, понедельник – смена. Твое заявление на очередной отпуск, я так и быть, подпишу. Если не хватит времени на реабилитацию, пишешь еще одно, но по семейным обстоятельствам. Особо не афишируй свою причину. Сама знаешь, за-

вистники есть везде. Удачи тебе.

Заведующая знала о проблемах Кристины и ее комплексах. Пыталась переубедить ее в их несостоятельности, но повлиять на девушку не смогла. В душе ей было очень жаль эту молчаливую, трудолюбивую и безотказную девочку, она знала ее уже шесть лет и не понимала, кому было нужно так сломать ей психику.

Домой Кристина не торопилась. До смены оставалось еще четыре часа, и она решила провести их с пользой. Ей предстояло купить кое – что для клиники из вещей и «завтрак туриста» на смену. « В пятницу, после смены, сдам анализы. Отработаю сутки в субботу, в воскресенье соберусь, там опять дежурство. Вернусь во вторник, наведу порядок в квартире, а в среду пойду «сдаваться». Нужно купить сок с трубочками и что-нибудь съестное, ходить ко мне будет не кому», – думала она. Ее мысли прервал телефонный звонок. Звонил Миронов.

– Что нового, Тина? Как поговорила с доктором? Как решила вопрос с работой?

– С работы я не уволилась, мне подписали заявление, иду в очередной отпуск, хотя условия очень жесткие. Смена сегодня, суббота сутки, понедельник пятнадцать часов, работаю через день, а в среду иду в клинику. Вы представляете себе безработную, хотя и временно, в клинике пластической хирургии? Доктор советует набраться терпения. Сергей Александрович, мне нужно с Вами встретиться и решить финан-

совые вопросы. Часть суммы я верну Вам сразу, а вторую половину через месяц. Вас это устроит?

– Меня устроит, Тина, если ты сама останешься довольна результатами операции. Вот тогда и поговорим, а пока не думай об этом. Позвони мне, пожалуйста, сразу. Думаю, к этому времени, и я добьюсь определенных успехов.

– Хорошо, Сергей Александрович, я позвоню, а Вы обещайте не бросать занятий. Удачи Вам! До свидания.

Закончившийся разговор заставил обе стороны задуматься о собеседнике. Миронов думал о Кристине: « Я так привык к ней и ее внешности, что сегодня был приятно удивлен. Белое платье очень ей шло и подчеркивало фигуру, а каблуки делали ее выше. Лицо совсем не отталкивало, очки, похожие на глаза стрекозы, делали нос визуально меньше, но закрывали ее красивые синие глаза. Она будет с новым носиком очень привлекательной. У нее исчезнут комплексы, и она сможет быть счастливой. Интересно, а характер ее при этом не изменится? За три месяца знакомства, мое мнение о ней менялось трижды. Сразу она напоминала мне такую маленькую шуструю, но тихую и незаметную серую мышку. Меньше всего я обращал внимание на ее внешность, а уж тем более на лицо. Для меня она была неким сервисом, по оказанию услуг. Зачем мне ее лицо? А потом я к нему както привык, и оно не казалось мне отталкивающим. Мало ли людей вокруг с необычными лицами, которые не вписываются в стандарт или пропорцию. Да, нос велик, действитель-

но на семерых рос, одной ей достался, но это же не трагедия. Потом я заметил, что она, ни в пример многим другим, не «заглядывает мне в рот». Не навязывает своего общества, тактично «обходит все острые углы» в разговоре и даже намека не делает на то, что она знает гораздо больше, шире и глубже, чем я. Устроив мне лекцию на второй день, она ни разу больше не начинала первой разговор. Отвечала на все мои вопросы подробно и умела слушать мои бредни на прогулках. И совсем меня добило то, что она не только знает, но и цитирует Ремарка. Где она, а где Ремарк? Одним словом, я для себя сделал вывод, что она отличная медсестра, я совсем не страдал от ее уколов. Массаж делает профессионально, а занятия с ней, вообще, песня. Она, как тренер в спортивном зале, хотя с виду такая хрупкая, а на деле жилистая. Было не по себе, когда у меня не получалось то, что она делала с легкостью. Она очень интересный собеседник, психолог и тонкий дипломат. Почти ровесница Олега, но разве можно сравнить его друзей и подруг с ней? Это два разных мира. Я ничего не хочу сказать плохого о его поколении. Так было всегда, что каждое поколение отличается от предыдущего. Разница в возрасте между мной и Олегом десять лет, а с Кристиной восемь. Но Олег вырос в достатке и заботе, ходил в любимчиках, а девочка сама себя воспитала с помощью бабушки. Она была, мягко говоря, изгоем, но не озлобилась на окружающих. А ведь могла выбрать и другую дорожку. Характер у нее есть, вот в чем дело. Такие люди без

боя не сдаются, не сломаются, и совсем неважно в каком столетии они родились. Всего сутки прошли, как она покинула дом, а мне не хватает общения с ней. Теперь я точно знаю, ни все, то золото, что блестит. Я слишком рано женился и ни к чему хорошему это не привело. Моя любовь к красивым дамам, была не более чем страстью. Страсть заканчивалась и красота уже ничего не вызывала кроме простого созерцания. Дважды наступить на одни и те же грабли, это уже приговор в психиатрии. Мне уже тридцать три года. Десять лет я раздумывал над женитьбой второй раз, а в итоге, через два года, обзавелся роскошными рогами. Мне даже не хочется думать о том, что я не смогу создать свою семью вообще. Мне очень хочется иметь ребенка, а лучше двух, как у Андрея. Как он мне говорил: – « Жену, Серега, надо выбирать сердцем, а не тем флюгером, который вертит тобой во все стороны в поисках красавиц». Может, я не создан для семьи? Семья – это любовь, забота о жене и детях, ответственность, а я всегда думаю только о себе. Делаю свою личную жизнь так, как удобно мне». Его размышления прервал вошедший в кабинет Андрей.

– Ты в клинике был? Что говорят? Как Тина? – спросил он. – Давай рассказывай, что из тебя клещами все вытаскивать надо.

– Доктор производит приятное впечатление. Обещают помочь. Деньги я перечислил от ее имени, по ее паспорту. Тине предложили уволиться с работы месяца на два и, если все

пройдет без всяких осложнений, вернуться к работе. Но она написала заявление на отпуск, работу не бросила. Предлагает часть денег вернуть уже завтра, вторую половину через месяц. Операция назначена на среду.

– Надеюсь, ты ей отказал? Не будешь же ты брать с нее эти деньги? – недовольно спросил Андрей. – Совесть имей.

– Я перенес решение этого вопроса до того времени, когда она увидит результаты работы. Мало ли, может, понадобиться еще одна операция. Она согласилась. С совестью, брат, у меня все в порядке, и брать с нее деньги я не буду. Ты знаешь, брат, я сегодня увидел ее в платье и туфлях на каблуке. У нее красивая фигура, а она ее так старательно прятала под халатом.

– Открыл Америку. Я это заметил еще на реке, месяц назад, а наш сексуально озабоченный братец еще раньше. Тина хорошая девушка. Ты представь, как она могла воспользоваться вчерашней ситуацией? А у нее даже мысли не возникло на корысть. И постоять она за себя может. Кто же ей «помог» так обрасти комплексами?

– Ситуация, Андрюха. Ты считаешь ее лицо отталкивающим? Лично я привык к нему, и у меня не возникало ни неприязни, ни удивления. На свете много некрасивых, а уж с необычными носами еще больше. Некому было внушить ей обратное. С 14 лет бабушка воспитывала, в 20 и она уехала. Осталась наша Тина одна во всей Вселенной со своими проблемами.

– Да внешность у нее самая обычная. Есть недостатки, но они не критичны. Мои дети, к примеру, их даже не заметили. Тина им нравилась такой, какой она была. Я с ней мало общался, но отметил сразу, что она, ни разу не попыталась сблизиться с Юлей, держала, так сказать, дистанцию. Проще говоря, знала свое место. Будь на ее месте другая, могла попытаться флиртовать с тем же Олегом, или получить теплое место в доме. Я подумал, раз мы решили помочь ей, нужно подумать, как и кто будет навещать ее в клинике. Ты не будешь возражать, если Юля это возьмет на себя. Лежать ей придется минимум дней десять-пятнадцать.

– Юля у тебя молодец. Пусть возьмет над Тиной шефство, но не в ущерб семье. А ты знаешь, брат, какое полное имя у нашей Тины? Кристина Неверова. Кристина – это посвященная Христу, христианка. Посвященная Христу и без веры. Полный абсурд. Кто мог придумать такое? А говорят, имя в жизни человека большой роли не играет. Нет, здесь как в песне: «Как вы яхту назовете, так она и поплывет!» Сколько же пришлось нашей легкой «яхточке» пережить штормов и столкновений с рифами?

– Серега, скажи честно: все, что ты делаешь для нее сейчас – это чувство благодарности, сострадания, рука помощи или что-то большее? Ты говоришь о ней так, как говорят о хороших друзьях, вернее о подругах.

– Не знаю, брат. Я так привык за три месяца к ее присутствию, общению, что мне трудно смириться с ее уходом. Мне

ее просто не хватает. Я чувствую себя так, как будто потерял что-то очень важное, без чего не могу обойтись, и все время ищу, чем это можно заменить. Вся эта затея с клиникой, попытка быть рядом с ней еще какое – то время. Она не скрывает, что деньги на операцию у нее есть, а значит, моя помощь не так и важна, и ни к чему ее не обязывает.

– Ладно, не терзайся, время покажет, а совет братский прими. Если все действительно так, как я думаю, навести Тину в клинике сам до того, как у нее появится новое лицо. Ты понимаешь, о чем я говорю? Мне кажется, ты попался, брат. Крепко она тебя зацепила.

– Думаешь это так легко? Ты не забыл, сколько мне лет и сколько раз я женат? Теперь еще и эта коляска.

– Я знаю другое, поговорив с ней откровенно, будешь знать, как она к тебе относится и, только тогда, делать уже свои выводы. Но поговорить надо с той Кристиной, которую ты, Серега, знал до пластики. И еще, если это не необходимость, а твоя блажь, не давай ей пустых обещаний и надежд. Она не заслуживает твоего обмана.

Они поговорили еще минут десять на отвлеченные темы, прежде чем заняться производственными вопросами.

Кристина думала о Миронове Сергее: «Странная штука жизнь. Сергею Александровичу тридцать три года, а детей нет. Средний брат моложе него на три года, а у него двое чудесных ребятишек и жена красавица. Красота у нее природная, ни то, что у Ларисы. Лариса просто молода и искус-

ный макияж делает ее красивой, а Юля, подарив мужу двух детей, сохранила и фигуру, и лицо. Оценка моя вполне объективная и ревность здесь не причем. Да, мне нравится Сергей Александрович. Он очень напоминает мне артиста кино Даниила Страхова. Мне не привыкать влюбляться», – думала она. Кристина влюблялась очень часто, и каждый объект обожания даже не догадывался об этом. Это были артисты кино, спортсмены, певцы, а любовь была безответная и короткая. Когда объект внимания выпадал из поля зрения, она находила новый. Это мог быть попутчик в транспорте, покупатель в супермаркете, пациент в отделении. Платоническая любовь к мужчине, часто переплеталась с сюжетом очередной мыльной оперы, и Кристина смотрела на себя со стороны. Собственного опыта общения с сильной половиной у нее не было и она либо принимала сюжет, либо его отвергала. « Почему я не могу о нем думать? Он мне очень нравится. Мне нравится в нем все от внешности до общения. Но кто сказал, что это надолго? Теперь я увижу его не скоро и, скорее всего, увлечение пройдет. А пока, Тина, мечтай, это не вредно. Я очень ему благодарна. Он принял меня такую, какая я есть. Мало того, пытался мне внушить, что мои комплексы не имеют под собой никакого основания. Можем, мне стоило обратиться к психоаналитику, а не к пластическому хирургу? Обошлось бы гораздо дешевле», – усмехнулась она, открывая дверь в родильное отделение. До смены оставалось полчаса.

Кристина, передав смену, поехала в клинику сдавать анализы и только после этого вернулась домой. Легкий завтрак сменился сборами «в новую жизнь». Она достала небольшую сумку и сложила в нее вещи, необходимые для десятидневного пребывания в клинике. Трезво оценивая, тот факт, что навещать ее не кому, она предусмотрела, кажется все. Две легких пижамы, халат, легкий костюм, белье, полотенце и средства гигиены. Сверху вещей легли небольшие упаковки сока, пакетики чая, кружка, ложка, баночки с сахаром и кофе, кипятильник и пачка салфеток. Три пачки печенья, вафли, питьевой йогурт, плитка шоколада, пара яблок и небольшой нож. В кармашек сумки она положила деньги, в клинике был буфет. Морально Кристина была готова поехать уже сейчас, но впереди было еще долгие пять дней. Смена в субботу выдалась «удачной». В течение дня на свет появились две девочки и мальчик. Ночью их полку прибыло. Родился еще мальчик и две девочки. Вернувшись, домой после смены, Кристина проспала до самого вечера, совсем забыв про обед. Приготовив себе нехитрый ужин и убрав со стола, она села за инструмент. В отличие от фортепиано Мироновых, он требовал настройки мастером. «Потерпи, дружок, будет и на твоей улице праздник, – сказала она, закрывая крышку фортепиано. – Не буду я тебя больше мучить. Разберусь с финансами и найду тебе хорошего настройщика. Подскажи, как лучше поступить? Нужно положить на счет деньги, полученные в конверте. Я не могу их оставить дома.

Может, стоит оплатить авансом коммунальные платежи? Когда я еще выйду на работу и начну получать зарплату? Завтра же оплачу расходы, пополню счет на карте, долг Миронову верну валютой или обменяю по курсу, и тогда я, месяца два, буду жить без головной боли, занимаясь реабилитацией. Решено!» Она прошлась по своей небольшой квартире, решив уборку и стирку перенести на вторник. Включив телевизор, она прилегла на диван, укрывшись пледом и мысли сами вернулись в особняк Мироновых: « В воскресенье, в это время, в доме Мироновых ужинают всей семьей. Наверняка, был детский музыкальный концерт. Валентина Петровна так вкусно готовит, а я четвертый день ем всухомятку. Ларису, скорее всего, отправили в городскую квартиру. Сергей Александрович говорил, что квартира большая, но после травмы, решили, что в доме ему будет удобнее. Почему жена не переехала к мужу? Ведь ей ничего не надо было делать, просто находилась бы рядом. Разве это любовь? Стоп! Что я знаю о любви? Вся моя любовь платоническая, которая не дает мне права рассуждать о настоящей любви. Не сказочной, придуманной, а реальной. Я ведь даже не целовалась ни с кем, я не знаю, что при этом чувствуешь, не знаю, что значит близость с мужчиной, а берусь судить. А ведь Олег считает, что именно интимные услуги я оказывала его брату. А если так считает не только он? Стыд-то, какой!» Ложась спать, она даже не думала, что эти мысли приведут к такому «финалу». Она проснулась неожиданно, все еще видя продолже-

ние сна: Сергей Миронов, несколько секунд назад целовавший ее, лежал с ней рядом, положив свою руку на ее талию. Она почувствовала ее прикосновение. Ноги ее непроизвольно согнулись в коленях, таз приподнялся, внутри внизу живота разлилась теплота, возникший приятный спазм сменился ритмичными сокращениями, вызывая ни с чем несравнимое чувство, дыхание стало чаще, грудь напряглась, а между ног стало влажно. Волна блаженства накрыла на секунды и постепенно схлынула, оставив после себя приятные минуты. Кристина замерла. «Что, Кристина Викторовна, доигрались? Вот к чему привели вас ваши думы. Красивый мужчина в откровенном сне. Единственное оправдание тому, что произошло, и оно в вашу пользу – это то, что все началось во сне, а значит, помимо вашей воли, – говорила она вслух. – Я слышала, что так бывает, теперь знаю, как это бывает, – подумала она, обнимая подушку. – Как же это было прекрасно». Нечто подобное Кристина испытывала, но это было частью сна, и она не просыпалась. В этот раз все было настолько чувственно, ощутимо и на яву. Утром она с улыбкой вспоминала прошедшую ночь. С одной стороны, Кристине было неловко от того, что все произошло с участием Миронова в ее сне, с другой стороны, ей хотелось испытать это еще и еще, но по-настоящему и только с ним. А поскольку, в обозримом будущем, это было нереально, вызывало у нее улыбку. Она окончательно убедилась в том, что влюбилась в Сергея Миронова, но пообещала не думать о нем хотя бы на ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.